

ELLE

50

СТРАНИЦ
ГОРЯЧИХ
ТЕНДЕНЦИЙ
ДЛЯ ВЕСНЫ
И ЛЕТА

УКРАЇНА

АЗБУКА ЛЮБВИ

ПРОВЕРЬ
ПО ПОЧЕРКУ
ЕГО ЧУВСТВА,
ХАРАКТЕР И
СЕКСУАЛЬНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ

УМА
ТУРМАН
СЧАСТЛИВА,
ВЛЮБЛЕНА
И ОЧЕНЬ
ОПАСНА!

мастер

Каждый человек имеет свою судьбу. Кто-то рождается с даром предвидения, кто-то приобретает его в процессе жизни. В мире существует множество практиков, помогающих людям познать себя и свое будущее. Одним из таких практиков является Талисман. Он помогает людям познать себя и свое будущее. Талисман — это человек, который помогает людям познать себя и свое будущее. Талисман — это человек, который помогает людям познать себя и свое будущее.

*Талисман
на счастье*

**СЛАВА
ФРОЛОВА**
«НЕ ПЫТАЙТЕСЬ
СОЗДАВАТЬ
ИДЕАЛЬНОГО
МУЖЧИНУ!»

МАРТ 2005
ISSN 1608-6376

9 771608 637004 >

ВСЕ НОВОЕ!

МОДА, ЖИЗНЬ, КАРЬЕРА, КОСМЕТИКА И ГАРДЕРОБ

Когда коллекцию Маши Арчер хотел купить Кристиан Лакруа, она отказала — не хотела продавать имя. А сегодня за ее бижутерией охотятся самые престижные универмаги мира — Harrod's, Neiman Markus и Saks Fifth Avenue.

Ее кольцо есть у Пласидо Доминго, а Джоан Коллинз, приехав в Сан-Франциско, тут же набирает заветный номер: «Дорогая, привези что-нибудь, мне нужно выглядеть на миллион». Украшения американки украинского происхождения примерила и ЛИДИЯ ШАМИНА.

Талисман на счастье

Квартира, она же мастерская Маши Арчер, — сама по себе музей. Как и подступы к ней: лестница, устланная ковром и заваленная старинными книгами, картины, сувениры со всех уголков мира. В самих апартаментах тоже тесно — везде живописно-небрежно разбросаны произведения Маши. Кораллы, бериллы, янтарь, бирюза и опалы... — многие изделия Маши — в ранге антиквариата и при этом одинаково хорошо смотрятся и с вечерним платьем, и с джинсами. На вешалке в гостиной — сплошной винтаж: бархатные платья с лисьей горжеткой, ситцевые сарафаны в стиле patchwork, расшитые атласными лентами, — все это тоже работы Маши. Увлечись коллекцией, я не заметила, как в комнату вошла хозяйка и с мягким украинским акцентом спросила: «Ну ужели вы с родины? Давно я там не была».

Родину, а точнее красивейший в мире, по мнению Маши, город Львов, она покинула в 1942 году, когда ее родители, мама-художница и отец, художник и скульптор Николай Мухин, бежали от фашистов с крошечной дочкой на руках куда глаза глядят. Оказались в Германии, где долго охитались по лесам, проселочным дорогам и заброшенным фермам. Отец брался за любую работу, дававшую семье хлеб и кров: чинил крыши, лечил ягнят, а потом, уже в самом конце войны, нашел

заброшенную мастерскую, полную глыб мрамора. Там его и отыскали советские военачальники, предложив сделать памятники жертвам фашизма. «Альтернативы, по сути, не было, — вспоминает Маша, — или нас должны были выслать на родину, что означало смерть в лагере, или работу на военных. Отец выбрал второе — это был хоть какой-то шанс. Его памятники, кстати, стоят до сих пор — один на месте концлагеря, в котором погибла голландская девочка Анна Франк, другой — на русском кладбище в Ганновере. Остальные Маша просто не помнит: было ей тогда чуть больше пяти лет. «Пока папа работал, мама пыталась узнать, куда можно убежать. Как только папа закончил последний заказ, мы сбежали в лагерь в Геттингене. Оттуда пленников всех национальностей отправляли на их родину. И только советские люди до такой степени не хотели возвращаться в «коммунистический рай», что предпочитали калечить себя, лишь бы оставаться в лагере. Фамилия отца была известной. И это было опасно. Он стал подписывать свои работы псевдонимом Богдан Дунаев. В лагере семья Николая Мухина целый год ждала известий от кого-нибудь из американцев, кто мог бы поручиться за отца и послать ему вызов, чтобы семья смогла выехать из Европы. Наконец сели на пароход — и началась американская жизнь Маши. «Мы приехали в Филадельфию, там я выросла, выучилась на художницу.

Занималась дизайном, графикой, а самое главное — всему научилась у родителей. В Советском Союзе они получили такое богатое фундаментальное образование, какого сегодня не встретишь нигде в мире. А потом родители умерли от рака один за другим, совсем молодые. Видимо, слишком тяжелыми оказались для них военные скитания. Помню, как мне тогда было очень страшно — совсем девчонка, знакомых нет, ничего об Америке толком не знаю. Перед смертью мама умоляла меня дать клятву никогда не ездить в Россию — так боялась за меня. Но я все же нарушила обещание и стала искать родных в Украине». Правда, в этом ей уже помогал муж, известный в Америке фотохудожник Питер Арчер. Маша встретила его в Мексике — каждое лето на каникулах, чтобы заработать, она отправлялась в этнографические музеи разных стран. Фото Питера, напоминающие манеру Хель-

«Перед смертью мама умоляла меня дать клятву никогда не ездить на родину. Но я все же стала искать родственников в Украине».

мута Ньютона, сегодня развешаны по всем стенам квартиры. «Это мой самый лучший фотограф для рекламы!» — смеется Маша. Питер предложил Маше искать родственников на родине через туристические агентства, с помощью случайных людей. Маша рассылала сотни писем: «Ищу родных!»

Первой откликнулась художница Татьяна Яблонская, которая училась с родителями Маши в харьковском, а потом и киевском художественном институте. Позже нашелся брат отца, скульптор из Луганска Виктор Музык. Сестру отца разыскали в Харькове. «Ой, как я была счастлива! В Москве мы с дочками, Ларисой и Майей, сели в поезд и поехали на родину. Стук колес завораживал, будил воспоминания и отзывался в моем сердце только одним словом — домой, домой, домой!» По признанию Маши, первая встреча с родными ее и обрадовала, и огорчила. «Они были такие умные, образованные, не сравнить с нами. И у них было так много неприятностей из-за того, что мы сбежали. Встреча была полна горьких воспоминаний». Хотя не только горьких.

Вместе с родными Маша вспоминала львовскую квартиру, где жила семья преподавателя живописи Николая Музыкина. «Я помнила только балкон, на котором однажды умудрилась влезть в горшки с цветами, что были снаружи. Я помню, как на улице стояли люди и почему-то молча наблюдали за мной. А мне-то было так интересно! И тут идет с базара мама и видит перед балконом замершую от ужаса толпу, которая не может издать ни звука. Папа же в это время спокойно спал в кабинете — так внимательно он смотрел за ребенком!»

Теперь с украинскими родными Маша неразлучна. У них появилось много идей, которые воплотились в совместных проектах. Я обращаю внимание на чудесные кованные браслеты из меди и серебра. Маша довольно смеется: «Что, нравится? Их по моим эскизам делает в Киеве мой родственник». Кроме родных, в Украине у Маши теперь много дорогих ей людей. Ее близкая подруга — известная актриса Раиса Недашковская, которая помогла устроить выставку изделий Masha Archer в Киево-Печерской лавре. В фойе киевского

В ее квартире-мастерской рядом с яркой атласной тюбетейкой, росшитой искрящимся бисером, камнями, бронзовыми и медными фигурками — мраморные бюсты, увешанные дивными разноцветными колье. Караллы, бериллы, янтарь, бирюза и опалы соседствуют с пластинами из мрамора, которому более двух тысяч лет.

У Маши Арчер есть ритуал: каждое свое произведение она неизменно сопровождает изящной карточкой. В нее от руки вписывает краткие сведения и легенды о камнях, из которых состоят ее уникальные украшения, а также вкладывает всегда оригинальное послание тому, кто будет носить ее бижутерию.

театра имени Ивана Франко тоже можно увидеть ее работы — она подарила их городу. И в музее имени Тараса Шевченко в Киеве. «Украина стала мне родным домом», — считает Маша.

Мы ходим по маленьким комнатам Машинной квартиры-мастерской. В коридоре на стенах висят крошечные детские платья, отделанные с большим вкусом. «Это модели?» — наивно спрашиваю я. Маша довольна: «Это первые платьица моих дочек. Когда они родились, не было денег покупать готовые вещи, и я шила сама. Теперь они выросли и стали прекрасными моделями, рекламирующими мои бижутерию». И тут из-за двери показывается стройная темноволосяя девушка. «Вот и моя Лариса», — говорит Маша, — она актриса, езжает в Нью-Йорк, будет участвовать в постановке на Бродвее. Старшая, Майя, останется со мной, а то кто же будет сниматься для рекламы?»

Рекламировать есть что: мы ахаем от восторга, попав в комнату, где за столами колдуют несколько мастеров. «Вы знаете, я не хотела делать отдельный офис. Женщине всегда комфортнее работать дома, особенно когда дети маленькие. Вокруг кухни у меня все и сосредоточено — мастерские, офис. Днем возжусь в офисе с бумагами, это самая неприятная часть работы. Самое лучшее время — ночь: я одна, никто не мешает моим фантазиям. Часто я рисую прямо в постели, а стоит сделать два шага до мастерской — и вот уже готовы новые бусы», — смеется Маша.

Я спрашиваю о Кристиане Лакруа: как получилось, что сотрудничество со знаменитым дизайнером не состоялось? Маша улыбается: «Да, он хотел покупать все, что я делаю, но по условиям контракта мои изделия должны были быть безымянными. Я отказалась. Конечно, я бы заработала большие деньги, но не жалею, что не продала свое имя. Это мой образ жизни, моя душа и мой message миру».

Каждое свое произведение, будь то брелок для ключей или роскошное кольцо, Маша неизменно сопровождает изящной карточкой, куда от руки вписывает краткие сведения о камнях, из которых оно сделано, их историю, свойства и оригинальное, никогда не повторяющееся пожелание тому, кто будет носить ее бижутерию. Как бы эта трагическая традиция сохранилась в мощном бренде Christian Lacroix? «Правильно только то, что идет от души, связано с любовью и происходит случайно» — в этой философии залог успеха Маши.

Однажды она оказалась в Гонконге, где живут искусные резчики по кости, и заказала им мини-скульптуру по эскизу отца, которому позировала совсем маленькой. Сюжет прост: спящая девочка, свернувшаяся калачиком, словно котенок. «Они делали эти маленькие скульптуры без конца, а мне все казалось, что дух замысла, наша домашняя атмосфера, переданы не вполне». На третьей сотне Маша остановилось и купила абсолютно все фигурки. Теперь они составляют застежку многих бижутерию. Так же как маленькие православные иконы, которые Маша считает охранной грамотой от Masha Archer.

На прощанье Маша дарит мне одно из своих колец. Я часто ношу его, иногда даже не к месту. Потому что у всех без исключения изделий с лейблом Masha Archer есть одно свойство — с ними невозможно расстаться.